

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СМЕХА И САКРАЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ

Культура амбивалентна. Двойной аспект восприятия мира и человеческой жизни существовал уже на самых ранних стадиях развития культуры. Господствующая иерархия ценностей построена в двоичной системе координат. Культура строится вокруг смысловой оси верх—низ, дух — тело, сакральное — профанное, небесное — земное, тотем — табу и т.д., — обозначающих, ценностно маркирующих социальный порядок. Поскольку вся культура амбивалентна, то и все явления культуры, в свою очередь, амбивалентны. Сакральное присуще любой культуре, именно оно определяет систему жизненных смыслов культуры. Но и сакральное амбивалентно. «Всякое бытие и всякая сила, имеющие отношение к божественной сфере, воспринимаются двояко: либо как дружественные и благодетельные для человека, либо как враждебные и причиняющие ему вред» (9, с. 134). Поскольку понятие сакрального содержит в себе как представление о позитивной силе, так и образ чего-то угрожающего, требующего строжайших запретов, то общая для всех людей реакция на сакральное соединяет в себе и страх, и влечение, доверие и ужас. Только священное может реализовать глубочайшие нужды и надежды человека. С одной стороны, сакральное открывается человеку как неограниченная возможность выхода за режим пространственно-временных структур, конституирующих человеческое существование. С другой стороны, сакральное ограничивает человеческую деятельность, поскольку снисходит к присущей человеку слабости и налагает запреты на некоторые поступки. Сакральное требует жертвы — в том или ином смысле: в прямом, либо непрямом — аскезы, ограничения, отказа от чего-то значимого, важного. «Согласно этим представлениям, жизнь в своей кульминации всегда идет рука об руку со смертью; тесно сплетаясь, они переходят друг в друга (9, с. 137). «Само звучание этого слова — святое! — обременено смертной тоской, это тяжкое бремя, возложенное на него, есть бремя преступления в святотатстве, есть бремя смерти в жертвоприношении. Вся наша жизнь обременена смертью... Но для меня окончательная смерть ознаменовывает какую-то странную победу. Смерть освещает меня своим слабым мерцанием, она отдает меня во власть непомерно радостного смеха: смеха исчезновения!..» (4, с. 294) «Страх — конститутивный момент серьезности» (5, с. 135). Сакральное требует серьезности. «Сделать образ серьезным значит устранить из него амбивалентность и двусмысленность, нерешенность, готовность изменить свой смысл, вывернуться наизнанку, его мистифицирующую карнавальную сущность ... Образ из амбивалентной сферы переводится в чисто серьезный план, становится односмысленным, черное и белое, положительное и отрицательное разделяются и противопоставляются. Это — процесс затвердевания новых границ между смыслами, явлениями и вещами мира, внесение в мир момента устойчивости (стабилизация новой иерархии), увековечивания (канонизации); это — процесс осерьезнения мира (его образов, мыслей о нем, оценок его), внесение в него моментов угрозы, устрашения, страха» (5, с. 135, 136, 148). Серьезность требует от человека некоторой заданности, привычки к ритуалу, закону, т.е. некоторой навязываемой и одновременно дисциплинирующей его логики. Серьезность открывает возможность насилия, так как всегда есть нечто, что не укладывается в принцип, положенный в фундамент последовательности (3, 3, с. 342). Лучший способ вытеснения страха, ужаса, возникающего перед сакральным — смех. Но сама профанация может иметь ритуальный характер. На ранних этапах серьезный и смеховой аспекты божества, мира и человека были, по-видимому, одинаково священными, одинаково, так сказать, «официальными» (6, с. 11). Смех — это всеобъемлющий жест, выражающий опыт амбивалентности, и в то же время — это основная возможность, помогающая человеку преодолеть «космический страх». Космический страх, охватывающий родовое тело человечества, сильнее личного страха перед личной смертью. Принцип осмеяния, устраняющий этот страх путем перевода на язык материальной телесности, может быть истолкован как общий, генерирующий культуру принцип, ибо только культура, порожденная смехом, может отразить становление, перелом, порог, возвращение, не-конец. Принцип осмеяния гарантирует регенерацию родового тела, накопление

культурного опыта в форме памяти, проявляющейся циклически, в конкретных формах карнаваловых ритуалов, считает Р. Лахманн (12, с. 84). В фольклоре первобытных народов рядом с серьезными (по организации и тону) культурами существовали и смеховые культы, высмеивавшие и срамословившие божество («ритуальный смех»), рядом с серьезными мифами — мифы смеховые и бранные, рядом с героями — их пародийные двойники-дублиеры (6, с. 10). Ритуальная профанация идей и институтов сакрального характера присутствует в самых архаических традициях, в которых сферы сакрального и профанического еще четко не дифференцировались и не противопоставлялись друг другу, образуя динамическое равновесие «веселых» и «серьезных» обрядов. Л. А. Абрамян показал, что для реконструированного им первобытного праздничного комплекса присуща бинарная структура, характерно внутренне непротиворечивое сочетание похоронных обрядов с веселыми, массовыми, истинно праздничными действиями, причем последние имеют еще более архаичное происхождение (1, с. 19–30). Карнавалый смех, генетически восходящий к первобытному празднику, двойственен по самой своей природе, одновременно «и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает» (6, С. 17). Карнавал, считает Р. Лахманн, — инсценированная амбивалентность, в которой осознается полная противоположность неофициальной и официальной культур, смысла и противосмысла (12, с. 85). Однако, на наш взгляд, полной противоположности между ними нет и быть не может, поскольку они являются различными проявлениями единого социокультурного целого. Согласно А. С. Ахиезеру «смех — серьезность» — понятия, составляющие дуальную оппозицию, полюса которой находятся в состоянии амбивалентности. Смех — отрицание посредством утверждения и одновременно утверждение посредством отрицания. Смех — эмоциональная реакция на парадоксальность ситуации, позитивная реакция на полноту мира, который, вопреки несовместимости полюсов дуальной оппозиции, несет в себе возможность и необходимость их совместного существования. Смех и серьезность — две стороны культуры, существуют, лишь переходя друг в друга. Серьезность переходит в смех, так как выявляется относительность всякого основополагающего принципа. (3, 3, с. 342–343). Ритуальные осмеяния, присутствовавшие во многих первобытных культурах, отражают изначальную глубинную взаимосвязь смеха и сакральности. Смех и имеет смысл лишь по отношению к сакральному. Сакрализация открывает возможность осмеянию. Сакрализация — уже осмысление. Всякое осмысление — уже десакрализация. Все, что осмысленно, может быть осмеяно. Всякая серьезность, пафос, патетика — смешны, особенно если посмотреть на них со стороны, или «глазами ребенка», которые не зашорены рамками культуры и могут увидеть, что «король-то голый». А под любой одеждой, вообще, все люди — «голые». Ни один принцип не стоит того, чтобы его возводить в принцип. Все, что ценно и ценностно (аксиологично), окультурено, метафизированно и сакрализированно — цена одна — «веселая материя». Все, что подвержено осмыслению, может и должно быть подвержено инвективе и осмеянию. Но истинно святое — непостижимо, его нельзя понять и осмыслить. Карнавализация начинается с утраты сакральным своего первоначального иррационального и утопического, т.е с началом его осмысления. «Смех — это игра со смыслом. Все, что может быть осмыслено, может быть и обыграно, следовательно, потенциально и осмеяно. То, что непонятно, то и не смешно» (13, с. 105). Сакрализация как явление культуры — способ и форма осмысления, «расколдования» и осерьезнения мира. Смех означает стремление к десакрализации культуры. Десакрализация культуры означает утрату ее смысла, осмеяние и разрушение скрепляющих общество символов, может привести к саморазрушению и гибели культуры. «Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость! Ну, разве не смешно?» (А.Блок). К.Маркс писал, что человечество смеясь расстается со своим прошлым. Показательно значительную роль в разрушении общественных систем (в частности, разрушении СССР) играют сатирики и юмористы. Ж.Батай видел истоки европейской демократии (следовательно, и всей современной европейской цивилизации) в карнавале (см. 16, с. 192). XX век, во всяком случае в западноевропейских странах, ознаменован иссяканием христианства и постепенным упрочением первой на земле насквозь безрелигиозной цивилизации, утрачивающей понятие «священного» в его

прямом сакрально-иератическом значении высшей санкции всех прочих духовно-поведенческих ценностей (7, с. 19). Карнавальный характер постмодерна, сопоставимость «родовых черт» постмодернизма и средневекового карнавала, той части средневековой культуры, которую Бахтин назвал «смеховой культурой», характеризующейся индифференцируемостью «верха» и «низа», равно проявлявшей себя в религиозной сфере, изобразительном искусстве, литературе, быту уже отмечались исследователями (см. 17). А. С. Ахиезер считает, что смех противостоит насилию, так как он не стремится к ликвидации одного из полюсов, но нацелен лишь на изменение его оценки в шкале ценностей (3, 3, с. 342-343), но, по нашему мнению, смех может быть жестоким и чреват насилием, может перерасти в насилие. М. М. Бахтин также писал о смехе, что он противостоит насилию. Но он же, интерпретируя Фрейда, отмечал, что тенденция шутки и остроты — обойти реальность, освободить от серьезности жизни и дать выход вытесненным инфантильным влечениям, сексуальным или агрессивным. В агрессивных шутках находит освобождение инфантильная вражда ко всякому закону, установлению, государству, браку, на которых переносится бессознательное отношение к отцу и отцовскому авторитету (эдипов комплекс), и, наконец, враждебность ко всякому другому человеку (инфантильное самодовление). Острота — отдушина для подавленных энергий бессознательного, т.е. и она служит в конечном счете этому бессознательному и им управляется (8. С. 41). «Но ведь смех не так уж противоположен слезам: и объект смеха, и объект слез относятся всегда к определенному рода насилию, нарушающему установленный порядок, привычный ход вещей. ... Неразрывно связаны смех и смерть, смех и эротизм» (4, с. 277, 286) — т.е. явления, ставшие источником формирования представления о сакральном. С. С. Аверинцев отмечает, что примеров самой прямой связи между смехом и насилием, между карнавалом и авторитарностью слишком много (2, с. 14). «Карнавальная смех есть отнюдь не ирония мыслителя над трагедией жизни — нет, это радостный смех народного или космического, «телесного» идиотизма» над мучительными корчами терзаемого индивида, который кажется ему смешным в своей одинокой беспомощности. Это смех, рожденный примитивной верой в то, что народ есть нечто количественно, материально большее, нежели индивидуум, а мир — нечто большее, нежели народ, т.е. именно верой в истину тоталитаризма» (10, с. 78]. Убедительнее и громче всех смех был назван злом христианством, которое чутко отозвалось на существующую между ними связь (См. 2, 11). У.Эко в романе «Имя Розы» вывел образ слепого библиотекаря Хорхе (Борхес?— А. М.), пытавшегося ввести своего рода запрет на смех, понимая его божественную и в то же время разрушительную природу. Смех противостоит и другой форме «расколдования мира» (по М. Веберу) — рационализации, десакрализации — которая производится с сугубой серьезностью. Ибо святое непостижимо, иррациональное необъяснимо. И на этом фоне само рациональное осмысление, рационализация, наука выглядят смешными. Это отметили еще Эразм Роттердамский («философы — глупы») и Джонатан Свифт в описании науки в Лапуту и Лагадо. Карнавальная смех, сугубо амбивалентный по своей природе, разрушает всякую иерархию, развенчивает устоявшиеся догмы, инвертирует и снимает оппозиции. Праздник спонтанен, глубоко эмоционален, демократичен и антиинтеллектуален. Неосмеянным может быть лишь то, что действительно иррационально, неосмысленно и не подлежит осмыслению, т.е. то, что некультурно. «Но этот процесс затвердевания и осерьезнения образов мира совершается только в официальных сферах, но эта официализованная культура — островок, окруженный океаном неофициального» (5, с. 135). Иначе, говоря словами Ф. Ницше, «культура — это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом» (14, с. 861). Смех — это переход от некоторой несвободы к некоторой свободе. Он сопряжен с освобождением от условностей (2. с. 9-Ю). Но культура и состоит из условностей. Праздник помогает прикоснуться к обратной стороне бытия, поддерживает в человеке способность видеть границы культуры (3, 3, с. 252-253). Т.о., по нашему мнению, в одном из своих проявлений смех выступает в качестве инвективы, принижения ценностей, десакрализации, спонтанного неосознанного бунта против культуры, «возвращения человека к самому себе», т.е. — к своей природе.

Но, как писал З. Фрейд: «В конце концов, главная задача культуры, ее подлинное обоснование — защита нас от природы» (15. С. 104).

1. Абрамян Л. А. О некоторых особенностях первобытного праздника // Советская этнография. — 1977. — № 1.
2. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. — М., 1992.
3. Ахиезер А. С. Россия; критика исторического опыта. В 3-х т. — М., 1991.
4. Батай Ж. Из «Слез Эроса» // Танатография эроса. — СПб., 1994.
5. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопр. философии. — 1992. — № 1.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1990.
7. Великовский С. И. Культура как полагание смысла // Одиссей. — М., 1989.
8. Волошинов В. Н. По ту сторону социального. О фрейдизме // Бахтин под маской. — М., 1996. — Вып. 5 (1).
9. Гвардини Р. Спаситель в мифе, откровении и политике; богословско-политические раздумья. // Культурология. XX век. Дайджест: Проблемно-тематический сборник / РАН ИНИОН. — М., 1997. ~ Вып. II (6).
10. Гройс Б. Тоталитаризм карнавала // Бахтинский сборник. — М., 1997. — Вып. 3.
11. Карасев Л. В. Антитеза смеха // Человек. — 1993. — № 2.
12. Лахманн Р. Смех: примирение жизни и смерти // Бахтинский сборник. — М., 1997. — Вып. 3.
13. Мартынова Е. А. Философия смеха // М. М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. III Саранских международных бахтинских чтений: В 2 ч. — Саранск, 1995. - Ч. 2
14. Ницше Ф. Злая мудрость // Ницше Ф, Сочинения в двух томах. — Т.1.-М., 1998.
15. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. — М., 1989.
16. Холье Д. Кровавые воскресения // Танатография эроса. — СПб., 1994.
17. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика // Вопр. философии. — 1999. — № 4.